

Б 6492
М. ШОЛОХОВ

НАУКА НЕНАВИСТИ

俄 華 對 照

憤恨的科學

М. 蕭 洛 霍 夫 著

梁 浪 江 譯 註 王 語 今 校

五十年代出版社發行

М. Шолохов
Наука ненависти

俄華對照

憤恨的科學

M. 蕭洛霍夫著
梁 浪 江 譯 註
王 語 今 校

五十年代出版社發行

一九五二年・北京

М. Шолохов

Наука ненависти

„Правда“ 1947, № 12.

版權所有

五十年代出版社 出版

北京和平門內北新華街內六號

上海南京西路一一二九號六號

五十年代圖書印刷廠印刷

北京和平門內北新華街內六號

★

1—1,000 一九五二年五月北京初版

分裝 5、500 冊

★

總 105 話 66 32 開 86 延價買

譯註者的話

恨

「憤怒的科學」是蘇聯著名作家蕭洛霍夫在蘇德戰爭期間親自到前線去訪問一位蘇聯軍官的真實報導。這篇小說在蘇聯衛國戰爭時曾起了極大的作用。作者非常有力地揭露出德寇的真面目，使讀者看了這篇東西之後會燃起憤怒之火，學會應以怎樣的心情去痛恨敵人。在抗美援朝的今天，是特別有價值把它介紹給讀者的。

這本冊子是給學過一個時期俄文的讀者一種參考讀物，裏面的文法註解主要的是着重字法方面，至於句子的分析，因為篇幅所限，故省略。

關於怎樣去閱讀這本冊子，提供給讀者幾點意見，以作參考：

（一）先讀俄文，力求自行了解。看過幾段俄文之後，再來對照譯文。

（二）要注意字的重音，語尾的變化，熟語的用法以及句子的結構法。全文讀完之後，如果完全了解，就把譯文擱下，細讀俄文。

（三）依照上述的步驟把全文讀過之後，過一些時日應再把俄文拿來精讀，如非萬不得已，切勿看譯文和註解。

關於譯文和文法註解如有不妥的地方，希望讀者們指出，以便再版訂正。

一九五一年八月於北京

作 者 簡 介

米哈依爾·蕭洛霍夫（Михаил Шолохов），一九〇五年生於頓聶茨地方維興斯卡雅鎮的克魯齊林村。他曾當過裝卸工人，石匠，會計員，教員。在蘇聯內戰告終時，就參加了頓河流域的反富農鬥爭。一九二四年開始寫作，一九二六年着手寫巨著「靜靜的頓河」（第一卷出版於一九二八年，第二卷出版於一九二九年，第三卷出版於一九三三年，第四卷出版於一九四〇年）。在此期間內同時又寫了長篇小說「被開墾的處女地」。由於他在文壇上有着偉大的成就，曾得過列寧勳章和斯大林文藝獎金，而被選為科學院院士及蘇聯最高蘇維埃代表。蘇德戰爭開始時，他馬上回到頓河流域故鄉作為一個軍事新聞記者，參加保衛祖國的戰爭，並寫了一部巨著「他們為祖國而戰」。

目 錄

譯註者的話..... 1

作者簡介..... 1

Наука ненависти..... 1

文法註解..... 33

憤怒的科學譯文..... —1—

景

НАУКА НЕНАВИСТИ

«...Нельзя победить¹ врага, не научившись² ненавидеть³ его всеми силами⁴ души». ⁵ — Иосиф Сталин.

На войне деревья⁶, как и люди, имеют каждое⁷ свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного⁸ огнём⁹ нашей артиллерии. В этом лесу¹⁰ недавно укреплялись немцы¹¹, выбитые¹² из¹³ села С., здесь они думали задержаться¹⁴ но смерть¹⁵ скосила их вместе¹⁶ с деревьями. Под¹⁷ повержёнными¹⁸ стволами сосен¹⁹ лежали мёртвые немецкие солдаты, в зелёном папоротнике гнили их изорванные²⁰ в клочья²¹ тела, и смолистый аромат расщепленных²² снарядами сосен не мог²³ заглушить²⁴ удушливо-приторной, острой вони²⁵ разлагающихся²⁶ трупов. Казалось²⁷, что даже земля с²⁸ бурями, опалёнными²⁹ и жёсткими краями³⁰ воронók источает³¹ могильный запах...

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной³² и взрытой³³ нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом³⁴ сохранившаяся³⁵ берёз-

ка. и вѣтер раскѣчивал её израненные¹ оскѣлками вѣтви и шумѣл в молодых, глянцеви́то-кле́йких листка́х².

Мы проходили че́рез³ поляну. Шлёдший⁴ впереди⁵ меня связной красноармеец слегка⁶ коснулся рукой ствола берёзы, спросил с искренним и ласковым удивлѣнием:

— Как же⁷ ты тут уцелѣла, милая?...

Но если сосна гибнет⁸ от⁹ снаряда, па́дая¹⁰, как ско́шенная¹¹, и на мѣсте сре́за остаётся¹² лишь¹³ иглистая, истека́ющая¹⁴ смолой¹⁵ маку́шка, то пои́ному¹⁶ встреча́ется¹⁷ со сме́ртью дуб.

На провесне немецкий снаряд попал в ствол ста́рого дуба, ро́сшего¹⁸ на бере́гу¹⁹ безымянной речу́шки. Рва́ная²⁰, зия́ющая²¹ пробо́ина иссуши́ла полде́рева, но втора́я полови́на, пригну́тая²² разры́вом к воде, весно́ю дивно ожила и покрýлась све́жей листво́й²³. И до сего́дняшнего дня²⁴, на́верное, нижние ветви искалѣченного²⁵ дуба купа́ются²⁶ в теку́чей²⁷ воде, а ве́рхние — все ещё жа́дно протя́гивают²⁸ к²⁹ со́лнцу³⁰ то́ченые³¹, тугие листьѣя³²...

* * *

Высо́кий, немно́го суту́лый, с приподня́тыми³³, как у коршуна, широ́кими плеча́ми³⁴, лейтенант Герасимов сидѣл у входа в блиндаж и обсто́я-

тельно рассказывал о сегодняшнем боё¹, о танковой атаке противника, успешно отбитой² батальоном³.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспалённые⁴ глаза устало прищурены⁵. Он говорил надтреснутым баском⁷, изредка скрёщивая⁸ крупные, узловатые⁹ пальцы рук,¹⁰ и странно не вязался с его сильной фигурой, с жергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий¹¹ безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк¹², и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щёки побледнели, под скулами, перекатываясь¹³, заходили желваки, а пристально устремлённые¹⁴ вперёд глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших¹⁵ по лесу от переднего края нашей обороны трёх¹⁶ пленных немцев и сзади¹⁷ — конвоировавшего¹⁸ их красноармейца в выгоревшей,¹⁹ почти белой от солнца, лётчей гимнастёрке и сдвинутой²⁰ на затылок пилотке.

Красноармеец шёл медленно. Мёрно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая²¹ на солнце жалом²² штыка. И так же медленно брели пленные немцы, нехотя²³ переставляя²⁴ ноги.

обу́тые¹ в корóткие, изма́занные² жёлтой глиной сапоги.

Шагáвший³ впередí нёмец — пожилóй, со впáлыми щёками, гúсто зарóсшими⁴ кашта́новой щети́ной, — поровня́лся с блинда́жом, кíнул в на́шу стóрону исподлóбный, вóлчий взгляд, от-верну́лся, на ходу́⁵ поправля́я⁶ привёшенную⁷ к поясу кáску. И тогда лейтенáнт Герасимов порýвисто вскочíл, крíкнул красноармéйцу рёзким, ла́ющим⁸ гóлосом:

— Ты что, на прогу́лке с ними⁹? Прибáвить¹⁰ ша́гу! Ведí¹¹ бы́стрее¹², говорят¹³ тебе¹⁴!...

Он, вíдимо, хотёл ещё¹⁵ что-то крíкнуть¹⁶, но задохну́лся от волнénия и, круто поверну́вшись¹⁷, бы́стро сбежа́л по стúпенькам в блинда́ж. При-сúтствовавший¹⁸ при разгово́ре политру́к, отвеча́я¹⁹ на мой удивлённый взгляд, впло́гóлоса сказа́л:

— Ничего́ не поделаешь²⁰, — нёрвы. Он в пле-ну́ у нёмцев был, разве вы не знаёте? Вы пого-ворите с ним как-нибудь. Он очень много пере-жил там, и по́сле э́того живых гитлерóвцев²¹ не мо́жет²² видеть, именно живых! На мёртвых смóтрит²³ — ничего, я бы сказа́л. — да́же с удо-вольствием, а вот плénных уви́дит²⁴ и либо зак-ро́ет²⁵ глаза́ и сидíт²⁶ блéдный и потный, либо по-вернётся²⁷ и уйдёт²⁸. — Политру́к придвину́лся ко

мне, перешёл на шопот: — Мне с ним пришлось два раза ходить² в атаку; силлица³ у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает. . . . Всякие виды мне приходилось выдывать, но как он орудует⁴ штыком и прикладом, знаете ли, — это страшно!

* * *

Ночью немецкая тяжёлая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени издалёка доносился орудиный выстрел, спустя несколько⁵ секунд над нашими головами, высоко в звёздном небе слышался железный клёкот снаряда, воющий⁷ звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади⁸ нас, в направлении дороги, по которой днём⁹ густо шли машины, подвозившие¹⁰ к линии фронта боеприпасы, жёлтой зарницей вспыхивало пламя и громко звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные¹¹ стрельбой лягушки.

Мы лежали под¹² кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь¹³ от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе.

Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить¹.

— До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван² 9 июля прошлого года. Семья у меня — жена, двое ребят, отец — инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: «— Защищай³ родину и нас крепко. Если понадобится⁴ — жизнь отдай⁵, а чтобы победа была нашей». Помню⁶, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы её у фашистов вместе с горлом вынем⁷, не беспокойся⁸!».

Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось⁹: «— Смотри, говорит, Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты — потомственный рабочий; прадед твой ещё у Строганова работал; наша фамилия сотни¹⁰ лет железо для родины делала. и чтобы ты на этой войне был железным. Власть-то — твоё, она тебя¹¹ командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко».

«Будет сделано, отец».

По пути на вокзал забежал в райком¹² партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой,

рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вóвсе спуску не даст¹, двинет² какую-нибудь речугу³ на полчаса, обязательно двинет⁴! А получилось всё наоборот. «Садись⁵, Герасимов, — говорит мой секретарь, — перед дорогой посидим минутку по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки⁶ у него⁶ будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «— Всё ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя ещё вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем⁷, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди,⁸ бей⁹ гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется¹⁰». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарём, и, чорт его знает¹², показался он тогда мне вóвсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут ещё жена развеселила. Сами понимаете, что провожать мужа на фронт никакой жене не весело; ну, и моя жена, конечно, тоже расте-

рялась немного от горя, всё хотела что-то важное сказать, а в голове у неё сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идёт рядом с моим вагоном, руку мою из своей руки не выпускает и быстро так говорит:

«—Смотри, Витя, береги² себя, не простудись³ там, на фронте». «Что ты, — говорю ей, — Надя, что ты! Ни за что не простужусь⁴, там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи,—теперь держитесь⁵! Вколем⁶ мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулемётной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась, продолжал:

—До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осмотрю её со всех сторон⁷. Ничего не скажешь⁸—умные руки эти машины делали. Книжки немецких писателей читал и любил и как-то привык⁹ с уважением

относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было, в конце-концов², их дело. Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду³ я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия—тоже ничего себе. Чорт возьми⁴, с таким противником даже интересно подраться⁵ и наломать⁶ ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты.⁷ Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придётся⁸ воевать⁹ с такой бессовестной сволочью, какой оказалась немецкая армия. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили 27-го рано утром. Сначала в нрвинку-то было страшновато малость. Миномётами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мой к этому времени остыли от

боя, и вот каждый из них тащит¹⁰ пленным всё, что может: кто—котелок щей¹, кто—табаку или папирос, кто—чаем угощает². По спинам их похлопывают³, «камрадами⁴» называют⁵, за что, мол, воюете, камрады...

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «—Слюни вы распустили с этими друзьями⁶. Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются⁷. Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные⁸ дотла деревни, сотни расстрелянных⁹ женщин, детей, стариков, изуродованные¹⁰ трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные¹¹ и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти; ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой¹² картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью учебные тетради и учебники... Лицо ее было

страшно изрублено¹ тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и помню, как иступлённый, шептал: «—Барков, Половинкин, Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся² там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе...

Это было неподалёку от Ружина. А около Сквир в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных³ в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит⁴, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху—стопкой, как наваленные одна на другую тарелки,—восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких